

ЧЕЛОВЕК: ЖИВОТНОЕ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕЕ СВОЮ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАКСИМАЛЬНО СОЗНАТЕЛЬНО — МИНИМАЛЬНО ИНСТИНКТИВНО

В настоящее время в научной литературе нет недостатка в теориях, направленных на объяснение своеобразия и выявления движущих сил процесса становления человека. В частности, философ Ю. И. Семенов полагает, что основным признаком отличия человека от других животных является «зоологический индивидуализм», царящий в дочеловеческом животном мире. «В мире животных, — утверждает он, — безраздельно царит зоологический индивидуализм. Любое животное стремится, удовлетворить свои, и только свои, инстинкты, свои, и только свои, потребности, не считаясь со стремлениями всех остальных животных и часто за их счет. Животное неспособно обуздать само свои инстинкты. Неспособны подавлять их и зоологические объединения»ⁱ. Становление человека и общества, по мысли Ю. И. Семенова, основано на преодолении зоологического индивидуализма преимущественно в половом поведении. Стимулом же к подавлению полового инстинкта оказывается, по Ю. И. Семенову, противоречие между зоологическим индивидуализмом и зарождением первоначальных инстинктивных форм труда.

Мысль о наличии зоологического индивидуализма и обуздании полового влечения как ключевом факторе становления человека и общества не чужда и Бородаю Ю. М.. «Внутри любого стадного объединения, — пишет он, — закон естественного отбора действует неумолимо. Здесь нет места слабым... Если в общей клетке содержится несколько доминирующих особей, то остальные буквально голодают»ⁱⁱ. Вместе с тем он указывает на биологический тупик, возникающий из-за острой половой конкуренции. По Ю. М. Бородаю, во избежание самоуничтожения коллектива пралюдей здесь складывается самоограничение на проявление половой функции под страхом смерти. Как результат этого, полагает он, формируется магический ритуал, а из магических действий зарождаются орудийные действия и предметная деятельность как таковая.

В свою очередь археолог Г. Н. Матюшин полагает, что фактором, сыгравшим значительную роль в становлении человека, является мутация, приведшая к уменьшению числа хромосом от 78-54 у низших обезьян до 48 — у высших, человекообразных, и до 46 — у человека. Установив относительную синхронность времени существования на исторической арене ископаемых приматов со сменой магнитной полярности и полярными эпизодами Земли, он пришел к выводу, что изменение хромосомного набора у пралюдей явилось результатом слипания хромосом в процессе мутации под действием радиационного облучения. «Видимо, не случайно, — пишет Г. Н. Матюшин, — самый древний человек — *Homo erectus habilis* (человек умелый прямоходящий) — жил в то время, когда на Земле знаки магнитных полюсов были противоположны нынешним. Следующий вид человека — питекантроп — пришел на смену человеку умелому в тот момент, когда 690 тыс. лет назад произошла очередная инверсия магнитных полюсов. Палеомагнитологи утверждают, что с этого момента началась современная геомагнитная эпоха (эпоха Брюнес). Около 110 тыс. лет назад произошла кратковременная смена полюсов (эпизод Блейк). И в это время питекантропы окончательно вымирают и появляются неандертальцы — более совершенный вид человека. Около 40—30 тыс. лет назад неандертальцев сменяет человек современного вида — *Homo sapiens*. Примерно в то же время происходит смена магнитных полюсов — около 42—40 тыс. лет назад... Таким образом, налицо совпадение времени инверсий со временем изменений физического строения человека»ⁱⁱⁱ.

Очередное направление мутации антропогенеза связано с генетикой. Утверждается, например немецким психологом Ф. Кликсом, академиком Д. К. Беляевым и др., что систематическая подверженность пралюдей стрессу явилась основным фактором, ускорившим становление человека. По словам Д. К. Беляева, «психозоциональный стресс как бы обнажает скрытые до того (т. е. в условиях нормы) пласты наследственной изменчивости и включает в сферу действия отбора признаки и функции, наследственное разнообразие которых ранее маскировалось действием средовых факторов... изменение центральной системы нейрогормональной регуляции, а именно это и имело место в ходе эволюционного формирования человека, автоматически влекло за собой резкое изменение, т. е. дестабилизацию признаков и функций, стабилизируемых в предшествующей эволюции»^{iv}.

Не претендуя на всеобщий и всеобъемлющий охват имеющихся теорий в области антропогенеза и не вдаваясь в их сравнительный и критический анализ, детально остановлюсь на одной из них, а именно на трудовой теории. Мой выбор обусловлен тем, что она, в отличие от других теорий антропогенеза, занятых обособленным изучением вопросов, связанных с происхождением человека, выступает за диалектическую целостность составных частей антропогенеза. В то время как другие теории, будучи, как правило, детищем новых отраслей знания или новых методов исследования, обращают внимание преимущественно на

отдельные стороны, выпячивают те или иные аспекты проблемы становления человека (например, зоологический индивидуализм, мутация, сексуальная революция и другие, где основная часть компонентов антропогенеза, в числе которых труд, сознание, язык, социальность и другие, либо служат фоном, на котором разворачивается история человечества, либо вовсе не рассматриваются), т. е. страдают односторонностью, трудовая теория — единственная из всех теорий антропогенеза, которая соединяет в единое целое и биологическую и социальную сущность человека. Это с одной стороны.

С другой стороны, в условиях бурного развития археологии, антропологии, физиологии, биологии, химии, психологии и других как самостоятельных, так и смежных отраслей знания, связанных со становлением и развитием человека, необходимо адекватное отражение достигнутых ими результатов. Всякая теория нуждается в проверке своих старых положений с учетом новых данных. Без систематического подтверждения своей правоты применительно к вновь вскрывшимся обстоятельствам любая теория, будь то некогда самая прогрессивная, сходит на нет. Нечто подобное происходит сегодня с трудовой теорией антропогенеза. В прошлом ее научная значимость была столь неоспорима, что более ста лет она пробивала себе дорогу в научный мир вопреки идеологическим препонам и религиозным предрассудкам. А ее научный потенциал был столь велик, что, несмотря на пренебрежительное отношение к ней ее сторонников, она продолжала владеть умами большинства ученых мира вплоть до вчерашнего дня. К великому сожалению, ни одно из эпохальных открытий последнего столетия, таких как бесспорное доказательство использования и изготовления орудий труда не только историческими приматами, но и современными животными, стоящими на эволюционной лестнице ниже человека, данные о поразительном сходстве человека и ряда других животных по крови, ДНК, хромосомам, белкам и т. д. и т. п. вплоть до наличия асимметрии больших полушарий головного мозга, считавшейся до недавнего времени свойственной исключительно человеку, — они, эти данные, не получили должного внимания со стороны трудовой теории антропогенеза. Информация о них была, а вот их оценки через призму трудовой теории антропогенеза не было. Столь длительное игнорирование научных фактов имеющих отношение к изучению антропогенеза, — скажем, данные о большом сходстве зародышей и плодов высших обезьян и человека Даникер получил еще в конце XIX века, сходство крови человека и некоторых других приматов Нутталь установил уже в начале XX века (к 1932 году была успешно перелита кровь не только от человека шимпанзе, но и от шимпанзе человеку), — наносит вред трудовой теории антропогенеза. Такое положение дел ведет к постепенной утрате ею былой позиции в научном мире. Отсюда ширятся и крепнут голоса о том, что «в течение долгого времени способность использовать орудия рассматривали, как одно из проявлений интеллекта, а способность изготавливать орудия считали признаком, который отличает человека от всех других животных. Теперь, когда об использовании животными орудий мы знаем гораздо больше, этот вопрос не представляется нам столь ясным, хотя производство орудий по-прежнему рассматривается в основном как важный фактор, который оказал большое влияние на эволюцию человека»^{vi}.

Разумеется, трудовая теория антропогенеза далека от совершенства. Но именно ее необходимо развивать и совершенствовать в соответствии с исторической действительностью. Это тем более необходимо, что с высоты сегодняшнего дня совершенно очевидно, что другие теории антропогенеза за время ее вынужденного простоя ни на шаг не продвинулись в познании истины. А все из-за несоответствия указанных достижений науки последнего столетия их концепциям.

Согласно общепринятому среди отечественных ученых обществоведов официальному мнению, «сущность трудовой теории антропогенеза можно сформулировать одной фразой самого Энгельса: труд создал самого человека. Действительно, труд, трудовая деятельность людей, направленная на удовлетворение их потребностей, в первую очередь в пище и в защите от врагов, явились тем могущественным стимулом, который преобразовывал облик человека четвертичного периода и создал общество... Теория Энгельса — единственная из всех существующих теорий антропогенеза, которая подчеркивает решающую роль общественного, социального в становлении человека, показывает, что без общества не было бы человека, объясняет происхождение мышления и речи»^{vi}.

Сделав труд основой человеческого развития, оставаясь в рамках Марковского понимания труда, отечественные ученые-обществоведы приходят к выводу, что вне труда нет ни сознания, ни языка. Возьмем, к примеру, авторов «Основных идей и принципов философии». «Сознание, — говорят они, — результат длительного развития человеческого общества. Элементы психической и сознательной деятельности имеются уже у высших, особенно стадных, животных, использующих звуковую сигнализацию и жесты для обмена информацией, но настоящее человеческое сознание появляется не как простое продолжение и усложнение психической деятельности этих животных, а вследствие глубоких принципиальных изменений. Основой этих изменений явился труд. Труд предполагает создание орудий труда и использование их для преобразования материальных предметов ради удовлетворения сначала простейших, а потом и более сложных потребностей людей. На ранней стадии развития, когда орудия были крайне несовершенны, а борьба за выживание выдвигала ряд таких задач, которые требовали огромного напряжения, трудовая деятельность, направленная на решение этих задач, была под силу лишь коллективу. Для ее осуществления требовались хорошая сигнализация и быстрый обмен информацией, необходимой для управления трудовым процессом. Это и привело к возникновению языка, который сыграл решающую роль в развитии и совершенствовании мышления»^{vii}.

Дальнейшие рассуждения в этом направлении сводятся к следующему. Поскольку «силой, направившей эволюцию антропоидов за пределы животного мира, явился труд»^{viii}, постольку и труд, и сознание, и язык являются родовыми признаками человека. «С самого начала, — говорят авторы «Введения в философию», — человек представляет собой общественное существо, и присущие людям различия физического характера (расовые и т. д.) не имеют существенного значения, важно главное — их

способность к труду, к мышлению, к общению. Именно эти качества относятся к характеристике родовой сущности человека»^x.

Тем самым трудовая теория антропогенеза отказывает животным, стоящим на эволюционной лестнице ниже человека, в способности к труду, сознанию и языку. Применительно к труду академик Румянцев говорит: «Выделение человека из животного мира само собой предполагает переход от обмена веществ между человеком и остальной природой на основе, запрограммированной природой, к обмену на базе сознательного регулирования и контроля его со стороны человека. Вполне понятно, что первая форма человеческого труда должна была быть внешне сходной с инстинктивной деятельностью животных предков человека. Но она уже не тождественна ей»^x.

Стало быть, по академику Румянцеву, человек существовал задолго до выделения из животного мира, осуществляя обмен веществ между собой и остальной природой на «запрограммированной» природой основе. И только потом в результате перехода человека от обмена веществ между собой и остальной природой с «запрограммированной» природой основы к обмену на основе сознательного регулирования и контроля его со своей стороны он, человек, выделился из животного мира. Утверждение — «первая форма человеческого труда должна быть внешне сходной с инстинктивной деятельностью животных предков человека. Но она уже не тождественна ей», — мягко говоря, нелепо. Дело в том, что два треугольника, сходные, но не тождественные между собой, не перестают быть треугольниками. Как треугольник вне зависимости от формы является треугольником, так и труд не должен зависеть от своей формы. Стоит сказать, что один треугольник внешне схожий с другими треугольниками, но не тождественный им, является четырехугольником, как абсурдность сказанного будет очевидна. Труд — либо он есть, либо его нет. Нельзя говорить о схожести первой формы человеческого труда, пусть и внешней, с инстинктивной деятельностью животных предков человека — и тут же отрицать их способность к труду.

Если относительно способности думать и говорить у человека умелого, жившего около 2-2,5 млн. лет назад, еще можно как-то потеоретизировать, то относительно его способности трудиться, казалось бы, просто не о чем говорить. Обнаруженные на его стоянке принадлежащие ему орудия труда (в одних только Олдувайских горах в Танзании было найдено более 6 тысяч) красноречиво свидетельствуют о его трудовой деятельности. Но ему по-прежнему отказано в способности к труду. Из представления о труде как целесообразной деятельности, свойственной исключительно человеку, в трудовой теории антропогенеза сложилась и существует парадоксальная ситуация: орудия труда появляются на свет задолго до появления на свет субъекта труда — человека разумного. На это следует указать философов на возможность изготовления орудий труда вне труда и человека. «Есть свидетельство того, — говорят авторы «Введения в философию», — что производство простейших орудий началось на 1-1,5 млн. лет раньше, чем появились речь и мышление. Долгое время оно развивалось в «животной форме», то есть внутри стада гоминидов, еще немало не похожего на человеческое сообщество»^{xi}. Подобное решение проблемы наличия орудий труда у пралюдей считаю бесперспективным, а главное, вредным для науки.

Трудовая деятельность ископаемых приматов оказалась камнем преткновения. Одним махом примитивного каменного орудия человек умелый опрокинул существующую трудовую теорию антропогенеза, созданную отечественными учеными обществоведами на основе черновики Маркса и Энгельса.

Признавая свое животное происхождение, человек упорно топчется на месте. Всякий раз по мере открытия у животных тех или иных сторон жизнедеятельности, сближающих их с человеком, со стороны последнего выдвигаются новые и новые отличительные признаки, долженствующие сохранить интервал между человеком и остальными животными. Вчера еще в марксистской литературе этим отличием была способность людей использовать орудия труда. После Олдувайских гор стали говорить о способности человека изготавливать орудия труда. «Главным, — говорит академик Румянцев, — было именно изготовление орудий труда. Именно оно отделило производителя орудий труда от животного мира»^{xii}. Сегодня рушится и этот барьер. Даже уточнение «...каменных орудий труда» не спасает. Если и дальше дело так пойдет, то завтра человек будет отличаться от других животных способностью изготавливать и использовать орудия труда из меди и бронзы, послезавтра — способностью изготавливать и использовать орудия труда из железа, послепослезавтра — способностью летать в космос — и так до бесконечности. А все потому, что труд как целесообразная деятельность, свойственная исключительно человеку, будто дамочков меч висит над головами сторонников трудовой теории антропогенеза.

В итоге в срочном порядке пересматривалось сказанное основоположниками марксизма. Одни суждения сменялись другими. На свет появлялись такие суждения Маркса и Энгельса, которые в прошлом казались фантастическими, непригодными. Там, где не представлялось возможным одно высказывание основоположников марксизма заменить на другое их высказывание, оно попросту заменялось близким по смыслу сказанному Марксом и Энгельсом суждением самих отечественных ученых обществоведов. Так, повсеместно растиражированное ранее высказывание Энгельса «труд начинается с изготовления орудий»^{xiii} заменяется на более мягкое: «труд предполагает создание орудий»^{xiv}.

Чем дальше, тем больше способность животных использовать и изготавливать орудия труда в повседневной жизни становится неоспоримым фактом. В результате изучения жизнедеятельности, например, галапагосского дятлового выюрка, морской выдры, дрозда стервятника, бобра, человекообразных обезьян и других были получены неопровержимые данные об использовании и изготовлении современными животными, стоящими на эволюционной лестнице ниже человека, орудий труда. Теперь взамен затасканного вопроса «трудятся ли ископаемые приматы?» на повестке дня

неумолимо стоит новый вопрос: «трудятся ли животные?». Труд как родовая сущность человека трещит по всем швам.

«Но в каком смысле можно говорить о человеке как продукте труда, если сам труд сложился именно в процессе антропогенеза?»^{xv} — задается вопросом философ Андреев. Далее, «ругая» Г. Н. Матюшина, полагавшего, что крупные мутации породили у человека способность к труду, и ряд других ученых за отход от генеральной линии трудовой теории антропогенеза, за принижение ими роли труда в процессе становления человека и сокрушаясь по поводу того, что «вместе с тем до сих пор не изжита и противоположная тенденция — рассматривать труд как феномен, предшествующий во времени становлению *Homo Sapiens*», он точит сей краеугольный камень до придания ему полемически заостренной формы. «Итак, человек до труда или труд до человека?»^{xvi} — спрашивает он. И тут же отвечает: — Даже будучи полемически заостренной, такая постановка вопроса напоминает споры средневековых схоластов о том, что возникло раньше: курица или яйцо. Человек невозможен без труда, а труд — без социального субъекта. Человек и труд составляют единую систему, формирование которой проходит свои закономерные этапы»^{xvii}.

Надо сказать, философ Андреев недалеко ушел от средневековых схоластов. Стоит заменить в сказанном им человека на курицу, а труд — на яйцо, как тут же повеет средневековой схоластикой. «Курица невозможна без яйца, а яйцо — без курицы. Курица и яйцо составляют единую систему, формирование которой проходит свои закономерные этапы».

Очевидно, что отрицание наличия у животных, стоящих на эволюционной лестнице ниже человека труда, сознания и языка вредит научному пониманию истории происхождения человека, приводит к неразрешимым противоречиям при научном осмыслении данных археологии, антропологии, физиологии, биологии и других наук в части антропогенеза. Выход из создавшегося положения состоит в отрешении от труда, сознания и языка, как родовых сущностей человека. Принципиальная возможность, более того — необходимость этого шага без ущерба трудовой теории антропогенеза заключена в понятии «труд».

Определение труда, данное Марксом, гласит: «Труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т.е. не была бы возможна сама человеческая жизнь... Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости... Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»^{xviii}. При ближайшем рассмотрении выясняется, что, во-первых, труд как вечное естественное условие человеческой жизни не может быть в одно и то же время продуктом деятельности человека, что труд как вечное естественное условие человеческой жизни входит в противоречие с трудом как родовой сущностью человека. В противном случае следует признать, что человек сам себе создал естественное условие жизни. Во-вторых, Марксово определение труда не отражает жизнедеятельности человека в полном объеме, а лишь является частным случаем в жизнедеятельности человека. Миллионы и миллионы людей из числа детей, стариков, инвалидов и т. д. живут, не созидая материальных и духовных благ, не образуя стоимость товаров, не создавая потребительные стоимости, не опосредуя, не регулируя и не контролируя своей собственной деятельностью обмен веществ между собой и природой. Для них труд в принятом понимании не является вечным естественным условием их жизнедеятельности. Само существование определения «нетрудоспособный человек» противоречит пониманию труда как вечного естественного условия жизнедеятельности человека. Человек, лишенный вечного естественного условия своей жизнедеятельности, есть мертвый человек. Кроме того, оказывается, что не только нетрудоспособные люди из числа детей, стариков, инвалидов и т. д. не соответствуют Марксову определению труда, но и трудоспособные люди из числа «сливок» и «отбросов» общества живут, не созидая материальных и духовных благ, не образуя стоимость товаров, не создавая потребительные стоимости, не опосредуя, не регулируя и не контролируя своей собственной деятельностью обмен веществ между собой и природой. Да и вообще, по большому счету, организм человека выполняет ряд жизненно важных функций, которые не подходят под существующее определение труда. Например, человек вдыхает и выдыхает воздух, спит, потеет и т. д. вне труда, о котором говорит Маркс. Уверен, что даже самые ярые приверженцы существующей трудовой теории антропогенеза, вроде авторов «Введения в философию», утверждающие, что «абстрактно говоря, все формы практической деятельности людей от начала осмыслены»^{xix}, не способны осмысленно осуществлять такие формы своей практической деятельности, как выделения мочи и кала.

Впрочем, сам Маркс никогда и нигде не утверждал, что данное им определение труда является пригодным на все случаи жизни. Не случайно анализ процесса труда он начинает с деления на три составные части: «Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда» — и специально подчеркивает: «Мы не будем рассматривать здесь первых живоотнообразных инстинктивных форм труда... Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека»^{xx}. В дальнейшем Маркс особое внимание уделяет двум последним простым моментам процесса труда, оставляя в стороне «самый труд». «Самый труд» как таковой Маркс нигде и никогда конкретно не рассматривал. Это было связано прежде всего с направлением и характером его научной деятельности. Вопросы, которыми он занимался вплотную —

товар, деньги, стоимость, классы и другие, — невозможно было уяснить и объяснить без глубокого знания о предмете труда и средстве труда, но было и стало возможным их уяснение и объяснение без глубокого знания «самого труда».

Использование и изготовление орудий труда не есть «самый труд», а представляют собой разновидности труда, коих большое множество. Человек и другие животные различаются между собой не тем, трудятся или нет, а тем, как они трудятся.

Любопытные сведения на сей счет приводит доктор биологических наук Э. П. Фридман:

«Известный американский приматолог и антрополог Уильям Мак-Грю, много лет изучавший поведение обезьян, произвел недавно (1987 г.) очень интересное сопоставление изготовления и использования орудий для добывания пищи у вымершего в прошлом веке племени аборигенов Тасмании и шимпанзе Танзании. Автор использовал классификацию технологии по Освальту. Считалось прежде само собой разумеющимся, что шимпанзе несопоставимы даже с первобытными людьми в подобной сфере. Действительно, выявлены важнейшие различия: только орудия человека состояли из более чем двух компонентов, и только они изготавливались с помощью других орудий. Однако, однако... «Результаты демонстрируют удивительное сходство в наборе орудий, сырье для изготовленных орудий в сравнении с уже готовыми, в степени сложности, виде добычи и т. д.» (Мак-Грю, 1987).

Автор обнаружил множество параллелей. Соотношение искусственных орудий (артефактов) и естественных (не требующих для использования предварительной обработки — натурфактов) было у людей и обезьян почти одинаковым: 10:3 и 10:2. Орудия базировались на одном и том же сырье: дерево, камни, палки, кустарники. Люди и обезьяны пытались «перехитрить» добычу: у человека это было прикрытие, у шимпанзе — насест. Но только люди пользовались огнем, только у них встречались завязанные узлы и прикрепленные приманки, все артефакты шимпанзе готовились с помощью рук и зубов, тогда как у людей преимущественно (но не все) с помощью других орудий. Орудия шимпанзе не имели сцеплений, не состояли из соединительных форм, т. е. более чем из одной «техноединицы».

Мак-Грю приходит к выводу, что, несмотря на более сложную экологию добывания средств у тасманийцев по сравнению с антропоидами, разрыв между технологией тех и других на столь велик, а главное — определяется не филогенезом, а культурой. Учитывая все, что известно о шимпанзе в неволе, ученый делает заключение:

«Они способны сделать и использовать все средства материальной культуры тасманийцев и пользоваться производством путем соединения». Во всяком случае, считает автор, теперь уже нельзя понять происхождение культуры без обращения к антропоидам, равно как приматологи на поймут использование орудий шимпанзе без информации о народностях, добывающих себе пищу охотой.

Созвучно этому и мнению Б. Бека, который, анализируя многочисленные факты использования и изготовления орудий шимпанзе, пришел к выводу, что не было качественных различий в этих действиях гоминидов до тех пор, пока, в отличие от высших обезьян, предок человека не стал применять орудия на основе иной энергии, чем образующаяся только из процессов собственного метаболизма и сила тяжести»^{xxi}.

В какой бы форме ни выражалась и какими бы средствами производства ни осуществлялась деятельность человека, она качественно ничем не отличается от деятельности других животных. Форма деятельности иная, способ деятельности иной, а сущность одинакова: и человек и любое другое животное осуществляют свою деятельность, расходуя и потребляя энергию в пределах, свойственных своему организму.

Что касается труда вообще, т. е. «самого труда», то он возникает исторически в процессе зарождения жизни как специфический способ удовлетворения жизненных потребностей представителей живого мира. Труд есть процесс расходования и потребления энергии, всеобщее необходимое условие обмена энергии между живым организмом и остальной природой, вечное естественное условие жизнедеятельности живого организма, независимое от какой бы то ни было формы жизни. Труд был до человека, есть при человеке и будет после человека. Следовательно, можно не в известном смысле, как думали Маркс и Энгельс, а можно и нужно в прямом смысле сказать: труд создал самого человека.

Видимая разница в жизнедеятельности человека, с одной стороны, и жизнедеятельности остальных животных, с другой стороны, заключается в том, что человек осуществляет свою жизнедеятельность максимально сознательно — минимально инстинктивно, тогда как другие животные — наоборот: максимально инстинктивно — минимально сознательно.

В мире нет животного, жизнедеятельность которого была бы основана исключительно на инстинктивной форме отражения окружающей действительности. Любая самая современная техника потому и не может сравниться с самой обыкновенной амёбой, что работает абсолютно бессознательно. Вот почему малейшее препятствие, малейшее отклонение от заданной программы выводит из строя чудотехнику. Ни одно техническое устройство не может действовать за пределами своей «врожденной» (в данном случае — заложенной человеком) способности. А амёба может! У любого, даже одноклеточного животного должно быть нечто, координирующее, контролирующее и направляющее его деятельность. И это нечто есть сознание. В функцию инстинкта не входит координация, контроль, направление деятельностью животного, включая человека. Инстинкт не вызывает действие и не управляет поведением субъекта потому и только потому, что представляет собой действие, является бессознательным отражением окружающей действительности, устойчивой реакцией живого организма при решении им неосознанных жизненных задач, при достижении им неосознанных целей на основе видового или индивидуального опыта. Инстинкт — это своего рода закодированная в нервной системе живого организма схема бессознательного действия. Кодирован же бессознательное действие вполне сознательно.

Инстинкт формируется и совершенствуется в результате трудовой деятельности животного, включая человека. Именно трудовая деятельность, многократно отражаясь в сознании животного, вырабатывает в его организме устойчивую реакцию в ответ на определенного рода раздражения, дойдя до автоматизма, получает значение инстинкта. Чем выше уровень развития сознания животного, включая человека, тем разнообразнее, богаче набор его инстинктов.

По-своему был близок к пониманию сказанного выше об инстинкте Ч. Дарвин почти 130 лет назад. «Достоинство, однако, замечания, — писал он, — что убеждение, внушаемое с постоянством в ранние годы жизни, когда мозг впечатлителен, по-видимому, принимает характер инстинкта, а вся сущность инстинкта состоит в том, что ему следуют независимо от рассудка». Именно он первым указал на то, что «как бы ни было велико умственное различие между человеком и высшими животными, оно только количественное, а не качественное»^{xxii}.

Назначение сознания в том и состоит, чтобы обеспечить человеку и другим животным адекватную данному виду степень отражения окружающей действительности, не в последнюю очередь формируя, совершенствуя и направляя его инстинктивную деятельность. Да, пчела собирает мед в ячейку без дна и закупоривает ее впустую. Да, лягушка захватывает бумажку и употребляет ее в пищу, не отличая от летающего насекомого. Причина тому вовсе не в отсутствии сознания у пчелы или лягушки, а в низком уровне его развития. Пчела потому и собирает мед, не обращая внимания на состояние ячейки, что ею, ячейкой, она занималась раньше. Из поколения в поколение она последовательно переходила от одной операции к другой с «головой», концентрируя все свое крошечное сознание преимущественно на том виде труда, каким она занимается непосредственно сейчас, в настоящее время, без всякой «задней мысли». А тут подходит человек, отрывает дно ячейки и делает глубокомысленные выводы однобокого характера. Допустим, ячейка испорчена без участия человека. Все равно — инстинктивно пчела продолжит собирать мед в ячейку без дна и закупоривать ее впустую, поскольку изначально она была сделана по всем правилам и нормам пчелиного мастерства и никогда раньше ячейки не портились в количестве, угрожающем для нормальной жизнедеятельности пчелы. Впрочем, инстинктивным кажется действие пчелы, собирающей мед в ячейку с оторванным дном и закупоривающей ее впустую для стороннего наблюдателя, тогда как на самом деле пчела делает эту работу совершенно осознанно. Если быть точнее, пчела инстинктивно знает, что данная ячейка не есть производственный брак. Поэтому не будучи в состоянии одновременно держать под контролем своего крошечного сознания и состояние ячейки, и процесс сборки меда в первом случае, и состояние ячейки, и процесс закупорки — во втором, она собирает мед в ячейку без дна и закупоривает ее впустую. Точно так же обстоит дело и с лягушкой. Она в жизни раньше не видела и не ела бумажку, подвешенную на нитке, а потому и реагирует на нее как на съедобную пищу. Тем не менее, если на протяжении длительного периода времени увеличивать число порченных ячеек у пчелы и количество скармливаемых бумажек у лягушки, нет никакого сомнения в том, что и пчела и лягушка найдут выход из создавшегося положения, в чем не последнюю роль сыграет их сознание. Сомневаться в этом не приходится, глядя на деятельность животных с относительно высокими разрешающими способностями сознания. Например, кошка хотя и бросается на бумажку, подвешенную на нитке, никогда не станет употреблять ее в пищу.

Проводимые в течение последних десятилетий наблюдения и эксперименты с собаками, дельфинами и другими животными в естественных условиях и в неволе не оставляют места для сомнения в наличии труда сознания и языка у животных, стоящих на эволюционной лестнице ниже человека. Особенно поражают результаты работ ученых с человекообразными обезьянами, полученные разными методами, в разное время и с различными «пациентами». Большинство специалистов — Л. Фирсов, В. Мэзон, супруги Д. и Б. Гарднер, Ф. Паттерсон и другие — выявили способность человекообразных обезьян совершать действия на уровне сознания ребенка от одного до пяти и даже семи лет. Исследования по определению развития умственных способностей детенышей современных человекообразных обезьян по методу Ж. Пиаже, проведенные психологами М. Мэтью и Г. Бергером в 1981 г. и Ф. Доре и К. Дюма в 1987 г., показали, что эти животные без особых усилий достигают VI высшей стадии интеллектуального роста человеческого ребенка.

Пусть животные, стоящие на эволюционной лестнице ниже человека, способны совершать половину из того, что говорят ученые. Этого вполне достаточно, чтобы человек отказался от своей исключительности. Нет принципиальной разницы между человеком и остальными животными. Животное становится человеком там и тогда, где и когда оно, животное, начинает осуществлять свою жизнедеятельность максимально (более 50%) сознательно — минимально (менее 50%) инстинктивно. Иными словами, жизнедеятельность человека более чем наполовину осуществляется сознательно, а жизнедеятельность других животных более чем наполовину осуществляется инстинктивно. Первым таким животным, осуществлявшим свою жизнедеятельность максимально сознательно — минимально инстинктивно, был неандерталец.

В основе становления преимущественно осознанной жизнедеятельности лежит практика захоронения усопших сородичей. Ни использование орудий труда, ни изготовление орудий труда, ни собирательство, ни охота, ни использование огня, ни искусственное добывание огня не являются тем общественным бытием, которое подвигло животное в лице неандертальца к максимально сознательной — минимально инстинктивной жизнедеятельности. Захоронение усопших сородичей и есть то общественное бытие, которое способствовало развитию его труда, сознания и языка на принципиально новом, отличном от других животных, более высоком уровне. Посредством практики захоронения усопших сородичей неандерталец стал познавать мир через призму межличностных отношений путем олицетворения

природных и социальных сил и тем самым, образно говоря, удвоил себя, свои способности и возможности в познание окружающей действительности, а заодно и вырыл глубокую пропасть между собой и остальными животными.

Именно со становлением и развитием у неандертальца практики захоронения усопших сородичей связано формирование у человека той формы общественного сознания, в которой природные и социальные силы принимают значение таинственных, сверхъестественных, чуждых сил, противостоящих человеку.

ⁱ Семенов Ю. Как возникло человечество. М., 1966. С. 114.

ⁱⁱ Бородай Ю. М. Эротика. Смерть. Табу. М., 1966. С. 107.

ⁱⁱⁱ Матюшин Г. Н. У истоков человечества. М., 1982. С. 118.

^{iv} «Вопросы философии», 1981. № 8. С. 75, 76.

^v Мак-Фарленд. Поведение животных. М., 1988. С. 464.

^{vi} Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М., 1990. С. 106, 107.

^{vii} Философия. Основные идеи и принципы. Под общ. ред. А. И. Ракитова. Изд. 2-е. М., 1990. С. 76—77.

^{viii} Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. М., 1988. С. 86.

^{ix} Фролов И. Т. Введение в философию. М., 1989. С. 514.

^x Румянцев А. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. М., 1987. С. 58—59.

^{xi} Фролов И. Т. Введение в философию. Ч. 2. С. 225—226.

^{xii} Румянцев А. М. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. М., 1987. С. 48.

^{xiii} Маркс К. и Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 20. С. 491.

^{xiv} Философия. Основные идеи и принципы. М., 1990. С. 76.

^{xv} Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. М., 1988. С. 86.

^{xvi} Там же. С. 94.

^{xvii} Там же. С. 95.

^{xviii} Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 51, 55, 188.

^{xix} Фролов И. Т. Введение в философию. С. 264.

^{xx} Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 23. С. 188—189.

^{xxi} Фридман Э. П. Этюды о природе обезьян. (Занимательная приматология). М., 1991. С. 188—199.

^{xxii} Дарвин Ч. Соч. в 9 т. Т. 5. С. 238, 239.